

BLIZZARD ENTERTAINMENT

Мидлвик

Эрик Сабол

I

Солдат поднял факел и наклонился вперед. Скрипнули кожаные доспехи. Прищурившись, он внимательно рассматривал открывшуюся его взору картину. В свете факела тени расходились по всему саду, танцуя, крутясь и извиваясь в ветвях кустарника, подобно темным щупальцам, высывающимся из жуткой норы, когда звезды померкли. Над его головой ветер, резкий и не по-осеннему холодный, теребил кроны деревьев. На ветвях раскачивались семеро повешенных.

Он на несколько минут задержался у окровавленных ног старика, которого подвесили на невысоком дубе. Пламя факела освещало тощее тело, а тени лишь подчеркивали сходство трупа со скелетом; через дыры в одежде были видны старческие пятна, язвы и вздувшиеся вены. Но под изорванными лоскутами одежды, свисавшими с впалой груди трупа, можно было заметить еще какие-то непонятные следы. Солдат вытянулся, вновь прищурился, чтобы пламя факела не слепило глаза, осторожно поднял облаченную в перчатку руку и ухватился за ткань двумя пальцами. Он поднес факел ближе и немного наклонился, аккуратно отодвинув в сторону лохмотья. Под тканью скрывалась изощренная паутина кровоточащих надрезов, покрывавшая грудь старика, его живот и...

— Харрингер! — крикнул показавшийся из рожи человек. — Хватит мертвяков раздевать.

Солдат обернулся, выставив перед собой факел, осветивший тропинку меж деревьев. Гость ослабилась и положил руки на пояс. В черных доспехах он почти сливался с тенистыми кустами. Мужчина зашагал вперед, все так же улыбаясь. На фоне сурового, покрытого морщинами и жесткой щетиной лица безупречно

белые зубы смотрелись странно. Человек в черных доспехах остановился рядом с молодым солдатом.

Харрингер вновь повернулся к свисающему на веревке телу.

— Стретвангер совсем ума лишился, — сказал он, вновь вытянувшись, чтобы изучить порезы на груди старика. — Видал, что он с этим беднягой сделал?

— Нет, — мужчина в темных доспехах покачал головой, — ничего я не видел. И тебе смотреть не следует. Мертвяков трогать запрещено, забыл? К ним нельзя прикасаться.

— А как думаешь, почему?

— Это не мое дело, — ответил он, и принялся покусывать губу, задумчиво рассматривая тело старика. — Стретвангер хочет, чтобы из них выпустили всю кровь. И нам их трогать нельзя, пока главный не прикажет, понял?

Харрингер отрешенно кивнул и опять пробежал взглядом по влажной белесой плоти.

— Он вырезал у этого бедолаги какие-то символы на груди и на животе, — с этими словами Харрингер переложил факел в другую руку и продолжал осмотр. — Он по капле выпускает из них кровь, высушивает, не иначе. Со Стретвангером спорить бесполезно, он хочет, чтобы этих ребят засушили, как изюм.

— А тебе это не кажется чудным, что их вот так исполосовали?

Мужчина пожал плечами.

— Не чуднее налета на Мидлвик и казни четырех фермеров, двух девок из пивной и повитухи — без всякой причины.

Харрингер провел рукой по порезам на животе трупа и принялся дергать за завязку на поясе.

— Этот, по-моему, был не фермером, а цветоводом, — заметил он. Развязав узел одной рукой, он опустил разодранные штаны и изучил глубокие раны на иссохших ногах старика. Дубовый сук заскрипел от тяжести.

— Ради всего святого, Харрингер, в Саутфилде есть бордель! Закончивай обход и пойдем туда, я угощаю. Но если у тебя еще осталось хоть что-то человеческое, оставь в покое штаны этого фермера.

— Цветовода, — поправил Харрингер и вновь затянул веревку на поясе трупа. — Думаешь, Стретвангер и других порезал?

Мужчина смачно сплюнул в кусты.

— Да почему мне знать. Этот Стретвангер — одна большая загадка. За четыре дня мы убили семерых человек, а он так ничего и не объяснил.

Харрингер некоторое время молчал, задумчиво хмуря брови. Внезапно он развернулся и стремительно зашагал вглубь сада.

— Харрин... — мужчина в темной броне со вздохом покачал головой, а затем отправился в заросли вслед за солдатом. — Проклятье, Харрингер, их трогать нельзя, помнишь?

Как только звуки их шагов исчезли в дали, а свет от факела Харрингера стал едва различим среди кустарника, из теней показались два ребенка. Далия и Истантен замерли на тропинке, прислушиваясь к голосам солдат и пытаясь понять, далеко ли те ушли. Далия поспешила к телу старика, свисающему с ветви дуба; за поясом у нее висели садовые ножницы.

— Ты стой на стреме, — велела она Истантену, — а я его сниму с дерева.

Мальчик приложил к горлу два пальца и выразил согласие, хрипло замычав.

Далия вытащила ножницы из-за пояса и сжала их в зубах. Проскользнув под мертвым телом, она подошла к дереву и принялась ощупывать ствол, стараясь понять, как лучше на него взобраться. Истантен постоянно переводил взор с огонька факела Харрингера на Далию, ловко взбирающуюся на дуб. Она пробралась между ветвей и неуверенно начала двигаться по суку, к которому была привязана веревка.

Со стороны тропинки послышался отголосок сиплого хихиканья незнакомца.

Ухватившись одной рукой за ветвь, Далия достала садовые ножницы и потянулась к веревке. Она терпеливо работала лезвиями, и от покачивания веревки, на которой висело тяжелое тело, ветвь поскрипывала. Волокна веревки начали лопаться под металлом ножниц. Далия настойчиво продолжала резать со все возрастающей скоростью, и веревка становилась все тоньше. Подвешенное в воздухе тело накренилось.

Истантен прижал пальцы к кадыку и издал низкий рык. Далия замерла. Мальчик произнес еще что-то нечленораздельное, а затем удрал с дороги в тень. Далия услышала голос Харрингера, приближавшегося по тропинке.

— Истантен! — позвала она его шепотом, изо всех сил вцепившись в ветку дуба.

Спрятавшийся в тени мальчик не отвечал. Далия чуть не зарычала от негодования, но сжала зубы и продолжила теребить веревку. Краем глаза она увидела свет факела, пронзивший заросли кустарника и выхвативший из тьмы тропинку. Далия задержала дыхание и усерднее принялась резать веревку,

напрягая мышцы до такой степени, что рука ее горела, словно в огне. Почти перерезанная веревка уже едва могла удержать тело на весу. Судя по звукам шагов, Харрингер был уже близко: Далия слышала, как стучат его подметки по камням и как позвякивают пряжки его доспехов. Она продолжала остервенело резать веревку до тех пор, пока во тьме не прозвучал громкий голос Харрингера.

— Эй, ты! — позвал он кого-то, взмахнув факелом.

Далия осторожно повернула голову и, щуря ослепленные светом факела глаза, старалась рассмотреть силуэт солдата. Сердце неистово билось у нее в груди. Она уже намеревалась ответить солдату, но не смогла произнести ни слова и еще несколько секунд молча висела на ветви без движения. Харрингер шагнул вперед, держа руку на рукояти меча. Далия сглотнула комок и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Деревья с этой стороны тропинки росли слишком густо. Тем не менее, если бы ей удалось спрыгнуть с ветви и удачно приземлиться, то они с Истантенем смогли бы скрыться в зарослях кустарника с другой стороны дорожки, прежде чем солдат погонится за ними. Но если она неудачно упадет или вывихнет лодыжку...

Далия обдумывала разные варианты, а силуэт Харрингера все приближался. Застыв в нерешительности, девочка крепко держалась за ветвь и смотрела на приближающегося солдата — тот подошел уже к самому дереву. Она изо всей силы сжала ножницы, а другой рукой буквально впилась в сук. Далия напряглась и уже собиралась прыгнуть, но Харрингер прошел мимо. Далия почувствовала жар от его факела, когда он оказался совсем близко, и заметила на тропинке метрах в сорока тщедушного человека, показавшегося на свет факела.

— Почтенный! — закричал ему солдат. — Вам сюда нельзя.

Миниатюрный человек не отвечал. Он лишь качал головой и, растерянно шевеля руками, неотрывно глядел на тело молодой женщины, свисающее на веревке. Харрингер повторил свой вопрос, и зашагал быстрее. Мужчина указал на тело и грустно улыбнулся.

— Моя жена, — сказал он.

Харрингер осторожно приблизился к человеку, похлопал его по плечу, а затем аккуратно повел прочь из сада, и они скрылись во тьме.

Далия облегченно вздохнула, ее била дрожь. Она смогла разжать пальцы, которыми намертво вцепилась в ветвь дуба, и села на ветви поудобнее. Ветер легонько трепал ее волосы и одежду. Свисавший с ветви труп вращало ветром, отчего веревка недовольно поскрипывала. Из кустов показался Истантен и помахал Далии, а затем указал на тело.

— В чем дело? — спросила она шепотом.

Веревка закручивалась, протяжно скрипела, а затем, в конце концов, порвалась, и тело с глухим ударом упало на землю. Ветка резко закачалась, и Далия, не удержавшись, рухнула прямо на мертвое тело. Истантен помог ей встать на ноги и дал время отдышаться, прежде чем схватил тело под руки и потащил в заросли.

Далия опять повесила ножницы на пояс, отряхнула грязь с одежды и взялась за ноги старика.

— Осторожнее с головой, — сказала она, и дети понесли труп через лес в Мидлвик.

Они молча пробирались по полям; единственными их попутчиками в ночной тьме были шум реки и карканье ворон.

II

Далия сняла лохмотья с изможденного тела деда. Она разорвала на куски его рубашку и, смочив тряпки водой, нежно стерла грязь с груди и лица старика. Она омыла края глубоких разрезов, изуродовавших тело деда и образовавших какие-то непонятные символы. Затем она отнесла холодный труп в переднюю спальню. Первые лучи солнца залили краской утреннее небо, в то время как Далия положила тело на кровать и накрыла простыней до самого щетинистого подбородка. Она легонько поцеловала погибшего в лоб и поплелась к хижине за домом.

Далия положила на место садовые ножницы, взяла лопату и отправилась в лес за городом, неподалеку от сада. Шагая по еще не очнувшемуся от сумрака полю, она едва могла думать — так измучена она была ночной вылазкой. Вдруг она поймала себя на том, что с любопытством разглядывает лопату деда. Он владел ей много десятков лет, но инструмент скорее служил целям эстетическим, нежели практическим; изощренные иероглифы украшали темную древесину черенка, уходя ниже к лотку из слоновой кости. Сам лоток был узким и заостренным, а на его поверхности были мелко выгравированы узоры из цветов и виноградных лоз.

Это был удивительный инструмент, и за свои двенадцать лет Далии ни разу не доводилось видеть, как дед им работает.

Она вышла на поляну, когда солнце уже начало подниматься из-за горного хребта. Далия дважды разметила место под могилу — два метра на полтора, — вонзила во влажный грунт костяной штык лопаты и вывернула первую кучку земли. Все утро она копала могилу для деда, стараясь не задеть корни и не

навредить окружающим растениям. Отбрасывая землю в сторону, она опускалась все глубже и глубже.

Примерно в полдень Даляя остановилась передохнуть. Она вылезла из ямы вся в грязи, волосы прилипли к вспотевшему лбу. Прошло несколько минут. Девочка наслаждалась прохладой легкого ветерка, пробивавшегося сквозь ветви, отдыхала, слушала пение птиц. Но ощущение умиротворенности оказалось недолговечным.

Послышался топот торопливых шагов и треск веток под ботинками. От испуга у Далии скрутило живот, она вскочила на ноги, выставила перед собой лопату и приготовилась обороняться. Стоя на куче земли, она вглядывалась в лес, стараясь найти источник звуков, но на глаза ей попадались лишь изменчивые тени подлеска и качающиеся на ветру ветви.

Внезапно из кустов вывалился Истантен. Даляя вздрогнула и отскочила назад от неожиданности, но ей удалось удержать равновесие и не упасть в яму.

Мальчик согнулся пополам, пытаясь отдышаться, с хрипом заглатывая воздух.

Даляя воткнула лопату в землю и положила руку ему на плечо.

— Что случилось? — спросила она.

Мальчик, все еще тяжело дыша, взглянул ей в лицо и указал в сторону города на западе. Другой рукой он прикоснулся к горлу и издал низкий гортанный звук.

Даляя присела на колени и посмотрела мальчику в глаза, скрывавшиеся под мокрой от пота челкой.

— Они нашли дедушку?

Мальчик не ответил и, прерывисто дыша, продолжал указывать трясущимся пальцем в сторону Мидлвика.

Далия вскочила и помчалась через кусты. Ветки и дикие лозы цеплялись за ее волосы и одежду. По дороге к селению, спотыкаясь на бегу о камни и оголенные корни, она все же ни разу не упала. Не обращая внимания на усталость и огонь в легких, она как ошпаренная выбежала из леса, порывисто дыша. Она перепрыгивала через заборы и сломя голову неслась по огородам, разбрасывая комья грязи. Понутив голову, опустив ноющие руки и стараясь не обращать внимания на глухие удары сердца, она шла по улицам, пробираясь между людьми, телегами, повозками и скотом, пока не завернула за угол к дому деда.

Одинокий неприметный дом стоял в самом конце пустой улицы. Волна облегчения накрыла Далию, как внезапный дождик. У девочки подкосились ноги, и она рухнула прямо на мостовую. Некоторое время она сидела не двигаясь, тяжело дыша, с заплаканным лицом и спутавшимися волосами. Девочка смотрела на дом, радуясь долгожданной передышке.

Внезапно на дорогу опустилась тень, такая широкая и длинная, что ей показалось, будто солнце скрылось за тучами. Далия обернулась, и в животе у нее зашевелился липкий ком страха.

Стретвангер, в по-королевски богатом одеянии, навис над ней, как старый дуб. Его лицо было скрыто под темными складками капюшона, из-под которого торчал его волевой подбородок, точно гранитный булыжник на обрыве. Свободная одежда делала его на вид еще крупнее, несмотря на перетянутую поясом талию. Далия подумала, что если этот кусок толстой лакированной кожи растянуть и повесить вертикально, то пояс окажется выше нее. Несколько

солдат, среди которых были Харрингер и его закованный в черную броню товарищ, вытянулись по струнке за спиной огромного епископа.

Он наклонился, захрустев суставами, мягко ухватил Далию за руку, плавно приподнял и поставил на ноги.

— Твой дед дома, девочка? — спросил он с нетерпением в голосе.

Далия убрала с лица прядь волос. Жгучий взгляд Стретвангера до смерти напугал ее, и девочке только удалось в ответ покачать головой. Епископ не обратил внимания на немощный жест и продолжал сверлить Далию глазами. Дрожащими пальцами девочка показала на западный лес.

— Он в саду, — пискнула она, — где вы его оставили.

— Умный ответ, дитя, но не тот, что мне нужен. Твой дед куда-то подевался прошлой ночью, — он мельком взглянул на дверь дома. — Но у мертвых ноги плохо двигаются, так что я не думаю, что он далеко ушел.

Он ухватился пальцами за испачканный землей рукав Далии и внимательно изучил следы грязи на ее тунике и штаны. Епископ скривил губы в скупой улыбке.

— Ты видела его?

— Нет, кажется...

Стретвангер кивнул в сторону дома.

— Можно нам поискать его здесь?

Далия сделала шаг сторону дома и вышла из тени огромного епископа.

— Нет, — ответила она.

— Ах, как невоспитанно! — язвительно воскликнул гигант, и из темноты его капюшона раздался приторный смешок.

Обернувшись, он отдал команду стоящим в ряд солдатам, которые тут же двинулись к дому. Стретвангер невозмутимо последовал за ними, обойдя крохотную девочку.

Слова сами слетели с языка объятый гневом и ужасом Далии.

— Это... это неправильно! То, что вы сделали с этими людьми, сделали с нами, — неправильно!

Стретвангер жестом остановил солдат. Он повернулся к ней боком и начал говорить, взирая на Далию через плечо.

— Незачем стаду ведать о делах пастыря. Не беспокойся, мы очистим эту страну.

Сердце девочки было исполнено смятения, которое затем уступило место гневу.

— Вы неправы, — в ее словах чувствовалась горечь обиды.

— Детям не место в политике, — пробормотал гигант, пожав плечами, а затем дал солдатам отмашку.

Воздух наполнился звоном стали: солдаты с мечами наголо окружили дом и высадили переднюю дверь, что стоило им немалого труда.

— Проверьте шкафы и обыщите чердак! В сарае не забудьте посмотреть! Тело должно быть *здесь*, и я хочу, чтобы его нашли.

Ополченцы вломились в дом.

— Кровь! — кричал им вдогонку епископ. — Раны на теле нечестивца еще кровоточат. Ищите пятна крови, они должны быть темные, запекшиеся.

С улицы Далия слышала звуки бьющейся посуды и треск досок. Скрестив руки на груди и повернувшись к солнцу спиной, Стретвангер наблюдал за обыском дома. Стоя на лужайке, он неуклюже покачивался на каблуках.

Капельки пота, стекавшие со лба, попадали Далии в глаза. Оцепенев от ярости, она даже не моргала. Соленый пот жег глаза, превращая окружающий мир в череду клякс, но она не упускала из виду огромного человека, наблюдавшего за погромом в доме ее деда. В ее доме. Она слышала, как солдаты ворошат обитель ее воспоминаний, источник ее утешения, единственное место, которое она могла назвать своим домом. Девочку трясло от ярости.

Она подняла с дороги тяжелый камень с острым углом. Сжав зубы и нахмурившись, она оценивающе оглядела спину Стретвангера. Она сжала камень с такой силой, что костяшки ее пальцев побелели, и зашагала к епископу, уставившись в точку всего в паре дюймов над поясницей великана, в которой будет проще всего сломать ему хребет. Далия быстро шла по мостовой, и хотя звуки ее шагов были слышны, Стретвангер не оборачивался. Приблизившись к нему на расстояние вытянутой руки, Далия подняла камень повыше и, стиснув его еще крепче, приготовилась нанести удар.

Но стоило ей замахнуться, как из дверей показался Харрингер. Он оставил меч в ножнах, а пальцы его покрывал узор порезов и следы заноз.

— Мы нашли кровь старика на простыне, — сказал он.

Епископ чуть разжал губы.

—Кровь? — это слово прогремело из-под его капюшона, подобно барабанной дроби. — И?

Харрингер не осмелился взглянуть громадному человеку в глаза и вместо этого принялся старательно разглядывать землю под ногами епископа.

— Но тела там нет. Мы обыскали дом сверху донизу.

Далия нахмурилась. Она бросила камень и отступила назад. Стретвангер несколько мгновений не произносил ни слова, а затем развернулся на каблуках

и уставился на девочку. Он раздирал ее душу на куски своим ледяным, начисто лишенным каких-либо эмоций взглядом из-под тени от капюшона. Затем он сглотнул с легким кивком.

— Ладно, — пробормотал он и, оттолкнув девочку в сторону, быстро зашагал обратно в город.

III

В конце концов, солдаты покинули дом, оставив после себя форменный беспорядок: скомканная одежда и опрокинутые ящики были разбросаны вокруг опустевшей кровати деда Далии. Девочка завернулась в измазанные грязью простыни, как в жуткий кокон. Она сидела, поджав колени, и рыдала, глядя заплаканными глазами на окружавшие ее разрушения. Прошло несколько минут, за которые девочка не раз поворачивалась к кровати, чтобы взглянуть, не появилось ли там снова хрупкое тело ее дедушки. На кровати все еще виднелись оставленные мертвецом вмятины, пятна засохшей крови и грязи, но само тело исчезло, как струйка дыма, подхваченная ураганом.

Где-то вдалеке завопила бродячая кошка.

Далия вытерла слезы грязной тканью и, пошатываясь, встала на ноги. Пробравшись через беспорядок, она подошла к окну и раздвинула шторы. Теплые лучи солнечного света полились через окно в спальню, высветив парящие в воздухе пылинки. Она неуверенно подошла к сундукам из вишневого дерева, стоявшим в дальнем конце комнаты, и принялась расправлять измятую одежду. Пока она наводила порядок, она ни о чем не могла думать, будто мысли в ее голове завязали тугим узлом. Она собрала вещи деда: старые записи, пару

потускневших колец, которые она раньше не видела, — и аккуратно сложила их в сундуки у стен.

В противоположном конце комнаты Даляя нашла старый дневник деда, погребенный под смятыми штанами. Потемневший и покрывшийся морщинами с возрастом переплет держался лишь на паре тоненьких нитей. Страницы торчали из корешка, как сотни хрупких, пожелтевших листьев, и Даляя впервые увидела грубые каракули под неровной обложкой. Письмена показались ей знакомыми и напоминали порезы на теле старика, но этот язык был ей незнаком. Странные слова и символы покрывали почти каждую страницу и выходили на поля. В конце дневника она нашла какие-то картинки, зарисовки пейзажей и цветов, однако ни одно из изображений не узнала.

Из-за двери снова заголосила бездомная кошка. Даляя услышала приглушенное неистовое царапание. Положив книгу на пол рядом с сундуками, девочка осторожно пересекла комнату и высунулась в коридор.

— Тут кто-нибудь есть? — спросила она.

На несколько мгновений в доме воцарилась абсолютная тишина. Затем протяжное мяуканье возобновилось, и доносилось оно откуда-то из конца коридора, где находилась кухня. С большой опаской Даляя украдкой пошла на эти звуки, завернула за угол и ступила на холодный каменный пол пустой кухни. Острые осколки декоративных тарелок устилали пол, а обеденный стол был перевернут и отброшен к дальней стене. Нетерпеливое царапание становилось все громче. Звук шел снизу, и это явно был человек.

Даляя ахнула, и помчалась к кладовой. Откатив перевернутые бочки с рисом и картофелем, она подцепила доски пола кончиками пальцев и приподняла квадратную крышку. В тайнике под полом кладовой ютился

Истантен. Мальчик взглянул на нее, его большие глаза блестели от слез.

Истантена сверху придавило тело дедушки.

— Что, застрял тут? — спросила Даляя, ухмыльнувшись.

Истантен недовольно зарычал, но протянул ей снизу руку. Она подцепила его, и совместными усилиями им удалось освободить мальчика из-под трупа.

Истантен вылез из тайника и стер краем рукава следы слез со щек. Даляя некоторое время стояла над углублением, рассматривая согнутое тело дедушки.

— Он... он не пострадал? — спросила она.

Мальчик закатил глаза и лишь пожал плечами, откинув волосы с глаз. Тело в крохотном тайнике выглядело очень странно, шея и руки были неестественно изогнуты.

— Не хочется его здесь оставлять, но зато он будет в сохранности, — сказала Даляя.

Истантен хмыкнул в знак согласия. Даляя вернула крышку на место и протиснулась мимо мальчика на кухню.

— Ты останешься посторожить его?

Мальчик выпучил глаза и изо всех сил принялся мотать головой.

— Ладно, — сказала Даляя, кивнув. — Но надо выкопать могилу. И сделать это нужно сегодня.

Даляя вышла в коридор и направилась к двери.

Негромко бурча, Истантен последовал за ней. Звуки его шагов эхом разносились по дому.

IV

Далия выгребла из могилы еще одну лопату земли и отбросила ее в сторону. Ее руки болели и тряслись от напряжения. Нестерпимая боль объела икры и лодыжки, веки опухли и потяжелели, а тело из-за чрезмерной нагрузки и истощения стало слабым и немощным, будто на ее плечи положили стальной груз. Вечернее солнце скрылось за темными тучами, и в лесу сразу похолодало.

Истантен ходил вокруг поляны, стуча зубами и часто моргая, когда холодный осенний ветер хлестал его по лицу. Часами он был настороже, высматривая в кустах чьи-либо перемещения, прислушиваясь. Он шагал вдоль края поляны, согревая руки в складках туники.

Дети не перекинулись и словом до самой ночи, когда Истантен нечаянно споткнулся о корень. Мальчик полетел вперед и плюхнулся лицом прямо в опавшие листья и мелкие камни. Освободив руки, Истантен вскочил на ноги. Пятна грязи скрыли мешки под его глазами, но в расширившихся зрачках его глаз, освещенных лунным светом, можно было различить смертельную усталость. Мальчик был настолько изможден, что начал сутулиться. Далия показалась из могилы деда и, улыбнувшись, протянула другу подрагивающую руку. Пошатываясь, Истантен приблизился к ней, схватил ее за запястье и потянул из ямы.

Далия воткнула лопату в нетронутую землю с краю от могилы. Она обняла Истантена и поцеловала его в грязную щеку.

— Я очень тебе благодарна за помощь, — сказала она, устало опираясь на мальчика. — А теперь иди домой, поспи.

Истантен отступил, прижал большой палец к горлу и печально заворчал.

— Все хорошо, — уверила его Даля. — Мы закончили работу, яма достаточно глубокая.

Она подошла к краю опушки и опустилась на землю, прижав колени к груди, чтобы сохранить тепло.

Мальчик некоторое время пристально смотрел на нее, что-то похрипывая, но его почти не было слышно из-за ветра.

— Я посижу здесь еще несколько минут, — сказала Даля, жестом отсылая Истантена. — Иди домой, увидимся завтра.

Истантен пожал плечами, развернулся и скрылся в темноте. Были слышны лишь его тяжелые, полные усталости шаги.

Долгое время Даля сидела на поляне одна, слушая посвистывание ветра и тихое шуршание опавших листьев. Ей было слишком неудобно, чтобы задремать, но, тем не менее, она закрыла глаза и прислонилась спиной к шершавой коре дуба. Она выпрямила ноги и машинально растерла руки, чтобы прогнать мурашки. Даля считала уходящие секунды, стараясь успокоиться. Она успела дойти до тысячи, когда ее потревожил чей-то голос.

— Ну и холодрыга! Да, заснуть здесь не получится.

Даля мгновенно открыла глаза, вскочила на ноги и огляделась. Ее взгляд бегал от дерева к дереву, от ветки к ветке, не упуская и тени. Сначала она увидела улыбку, состоящую из безупречно ровных зубов, буквально светившихся на фоне темной растительности. Незнакомец приближался к ней, и вот уже можно было разглядеть его очертания, силуэт. Когда он подошел на расстояние вытянутой руки, Даля увидела перед собой крупного человека в темных, как ночное небо, доспехах.

Это был друг Харрингера, тот, которого она видела в саду.

— И что вы тут делаете? — прошипела она, стараясь скрыть дрожь в коленях.

Солдат шагнул мимо нее, пластины его доспеха негромко позвякивали при ходьбе. Он молча встал у края могилы, положил руки на бедра и осмотрел поляну. Спустя секунду он присел на землю и с шумом выдохнул.

— Кем был этот старик?

Даля замаялась. Она оцепенела, уставившись в спину солдата.

Он оглянулся через плечо и вопросительно вздернул бровь.

— Тот, чье тело нужно Стретвангеру, кто он?

Их взгляды встретились, и только спустя несколько полных волнения ударов сердца Даля заговорила.

— Это был мой дедушка.

— Определенно, он еще был и чем-то *иным*, иначе мы бы не тратили на его поиски столько времени, — сказал солдат, и порыв ветра прошел по поляне, шевельнув листья на ветвях. — Говорят, он был фермером.

— Цветоводом, — поправила его Даля. — Он был местным цветоводом.

— И все? — солдат не спускал с нее глаз, изучая ее лицо в темноте.

— Он был и путешественником.

— Правда?

Даля кивнула.

— А еще плотником, — сказала она, сдерживая слезы, — и сказителем, веселым человеком. Он любил животных, рано вставал и...

Наконец, она нащупала нужные слова.

— Он был мне единственной родней, — сказала девочка, сделав глубокий нервный вдох. — Он был хорошим человеком, и не заслужил такого наказания.

Солдат в темных доспехах вновь отвернулся от нее и свесил ноги в могилу.

— Хорошим человеком, говоришь? — пробормотал он.

Его слова летели в сторону могилы, он почти что говорил сам с собой.

— Когда повзрослеешь, малышка, ты узнаешь, что мир — не черно-белый.

Вся наша жизнь наполнена уродливым и непонятным бледным серым цветом. С твоей точки зрения, мир — жуткое место, в котором добрых цветоводов подвешивают за шею негодяи в дорогих одеждах, которые еще имеют наглость кому-то приказывать.

Но реальности нет дела до добра и зла, — продолжил он, повернувшись лицом к девочке, встав самом краю могилы. — Ей плевать на твои взгляды и на мои. Для реальности важна только истина, а твой дед, странствующий веселый сказитель, умер, затаив в сердце множество тайн. И Стретвангер должен убедиться, что их *никто* не узнает.

— И поэтому он повесил его в саду и вырезал на его теле какие-то знаки?

— Ты еще узнаешь, что поступки этого великана подвергать сомнению не стоит. Эти символы — защитная сеть, которая не позволит тайнам твоего деда вырваться из тьмы забвения, где им как раз самое место.

Даля сглотнула комок в горле.

— Как вы меня тут нашли?

— Пошел за тобой, когда ты покинула дом. Думал, ты приведешь меня к телу.

— Сожалею, что не оправдала надежд, — ответила Даля.

Мужчина опять продемонстрировал свою лучезарную улыбку.

— И мне тоже жаль, — сказал он, — но ты знаешь, где находится тело, а значит, тебя нужно привести к Стретвангеру. Ты уж мне поверь, добром это не кончится, — Он протянул ей руку. — А теперь идем, времени мало.

Далия напряглась. Ее усталость исчезла в бескрайнем океане страха и ярости, одним ловким движением девочка выдернула лопату из земли и нанесла удар. Заостренное лезвие прочертило линию прямо по лицу солдата, разрежало плоть, отделив кожу от кости. Гулкий звук удара костяной лопаты о череп разнесся по всей поляне. От удара солдата развернуло, и он рухнул прямо в пустую могилу.

V

Мидлвик сиял, как фонарь на фоне темного ночного неба: в городке бушевали пожары. По всей округе разносились стоны умирающих. Десятки ополченцев шагали по улицам, полям и огородам с факелами над головой и мечами наголо. Прохладный ночной ветер разносил отчаянные мольбы и треск пожарища, а солдаты Стретвангера били окна, выбивали двери и поджигали дома. Городские жители в панике выбегали на улицу. Прижимая к груди кто малышей, кто ценное имущество, они растерянно ковыляли по улицам в испачканном пеплом и сажей исподнем.

В самой гуще неразберихи слышно было, как по округе разносится гулкий голос Стретвангера, как звук боевого горна, который не заглушить даже грохоту сражения.

— У них должны быть шрамы! Ищите шрамы! — кричал епископ, а вокруг него по дороге шли толпы людей. — Если увидите на них руны, предайте их тела огню! Они не умерли, пока из них еще течет кровь!

Далия кралась по полю, глаза ее слезились от дыма. Двигаясь ползком, она обогнула город по краю, пока не вышла через заросли высокой травы к дому своего дедушки. На последнем дыхании она метнулась к дому и вбежала внутрь прямо через разломанную дверь. Далия пронеслась по коридору, но упала, как только попала на кухню, растянувшись посреди осколков тарелок. Она не чувствовала ног, и устоять у нее вряд ли бы получилось. Тем не менее, она потихоньку подползала к кладовой — она была готова покинуть Мидлвик и вытащить отсюда деда. Даже если придется ползти всю дорогу.

Откатив в сторону перевернутые бочки с едой, она подцепила с пола крышку и заглянула в тайник. Смерд разлагающейся плоти обжигал ноздри, душил, словно в горле застрял рыболовный крючок. Далия громко всхлипнула и задрожала.

Яма была пуста. Внутри дома вдруг слышались чьи-то приглушенные шаги.

— Истантен? — окликнула Далия мальчика, но ответа не последовало.

Она проползла по заваленному мусором полу кладовой, разгребая осколки тарелок и острые куски дерева. Далия постепенно продвигалась через беспорядок в поисках ножа, вилки или достаточно длинного осколка тарелки, чтобы можно было пробиться к двери, если дело пойдет плохо. Она застыла на месте, когда увидела в коридоре у кухни садовые ножницы.

Они были покрыты слоем запекшейся крови.

Фонарь осветил стены, и в дверях кладовой появилась темная фигура Харрингера, немного согнувшегося под весом тяжелых доспехов. Несколько секунд он смотрел на девочку в свете фонаря, а затем вернулся на кухню и крикнул: «Я нашел ее! Она здесь!»

Снаружи послушались приглушенные голоса. Харрингер протянул Далии руку, но та лишь отодвинулась назад, поближе к опустевшему тайнику.

— Что происходит? — спросила она, и голос девочки звучал сипло и ломался, когда слова слетали с ее губ.

— Понятия не имею, — ответил солдат, и в его блестящих глазах читалась тревога. — Шесть других мертвецов исчезли из сада.

— Исчезли?

— Ага, будто их там и не было.

— А что с моим дедом?

За дверями кто-то вскрикнул. Харрингер положил пальцы на рукоять меча, и, взглянув на Далию, вновь протянул ей свою руку.

— Надо уходить.

Несколько секунд она просто глядела на него, ничего не понимая. Дышала девочка тяжело и неровно.

— Кажется, я не могу встать.

Харрингер подошел к ней и поднял Далию с пола. Она положила ему руку на шею, пока солдат шел из кладовой на кухню. Осколки тарелок и серебряная утварь хрустели под подошвами его сапог. Стоило им выйти в коридор, как перед ними возник Стретвангер и положил свою огромную грубую руку на кирасу Харрингера.

— Отпусти ее, — прорычал великан, пригибая голову, чтобы не стукнуться о потолок.

Спереди его одежда была вся измазана красным, а из одного уха текла тоненькая струйка крови.

Харрингер замялся, и Стретвангер дал ему пощечину такой силы, что солдат отступил обратно в дверь кухни. Он выронил Далию из рук, и та рухнула на пол. Сразу же над ней возникла гигантская фигура епископа. Сунув руку в складки робы, он извлек кинжал с искривленным лезвием. Его пальцы сжимали рукоять оружия, подобно пяти змеям. Епископ наклонился всем своим телом, при этом его позвоночник и колени заскрипели от нагрузки.

Его дыхание обжигало Далии лицо.

— Где твой дед? — прошептал великан.

— Я не... — закачала она головой.

Стретвангер сделал стремительное движение рукой и рассек холодным стальным лезвием щеку Далии. Девочка вздрогнула, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

— Показывай! — взревел он, схватив девочку за шкурку и подняв ее в воздух.

Из края комнаты Харрингер наблюдал, раскрыв побледневший рот, как епископ приставил к шее Далии острое кинжала.

Девочка открыла рот, собираясь заговорить, она могла шевелить языком и губами, но она не нашла в себе, что произнести.

— А окроплю могилу твоего деда твоей же кровью, — прошипел Стретвангер. — Я сровняю в этой глуши все с землей, каленым железом выжгу любое воспоминание о тебе, если сейчас же не ответишь.

— Я... — лезвие кольнуло ее в шею, и Далия вздрогнула.

Она взглянула в немигающие глаза Стретвангера, встретив его тяжелый взгляд, и не увидела в них притворства и неискренности. И злобы в них тоже не

было. Далии удалось разглядеть лишь ужас, неизбывный страх читался в широких зрачках гиганта.

— В лесу. К востоку от мельницы вы найдете поляну. Он лежит в не зарытой могиле.

Стретвангер ткнул рукой, в которой он сжимал рукоять кинжала, в Харрингера и рявкнул: «Живо туда!»

Молодой человек выбежал в коридор, а затем — на улицу, попутно отдавая приказание своим товарищам.

— Отпустите меня, пожалуйста, — проямлила Далия.

— Нет, нет, нет, — бормотал в ответ епископ, шаря взглядом по стенам кухни и едва заметно улыбаясь.

Он вышел в коридор и понес девочку с собой внутрь дома, распахивая перед собой двери.

— Нет тебе оправдания, дитя. Ты заварила эту кашу, а нам теперь расхлебывать.

Великан открыл дверь, ведущую в подвал. Длинная лестница с крутыми ступенями была наполовину погружена во тьму, царившую под землей, и напоминала шипастый язык, высывающийся из черной пасти.

— Я скоро за тобой вернусь, — обещал ей Стретвангер, — и тогда мы поговорим о грехе лукавства.

Спустя мгновение девочка полетела во тьму. Далия ударилась о ступени, повредив несколько ребер. Мир вращался, как водоворот, пока она катилась вниз по лестнице. Далия громко рухнула на каменный пол подвала. Оставшаяся позади дверь превратилась в узкую полоску света, которая стремительно исчезала. Стретвангер закрыл и запер дверь.

Сквозь толщу стен Далия слышала приглушенные крики своих соседей, спасающихся от объявшего Мидлвик пламени. Она слышала, как крысы копошатся в углу подвала, слышала свое хриплое дыхание. Стоная от боли, она ползла к скрытому во мраке верстаку, за которым работал ее дед.

Девочка протянула руку и нащупала на столешнице свечу. Далия положила ее перед собой и начала вслепую перебирать инструменты, надеясь отыскать огниво. Наконец, ей удалось его нащупать. Девочка прижала свечу к полу и принялась водить кресалом по полу. Тьму осветило множество искр, и Далия продолжала высекать искры, пока не зажгла фитиль свечи.

Крохотное пламя показалось ей таким ярким, что она невольно прищурилась. Воск стекал тонкими струйками по ее пальцам, а глаза постепенно привыкали к свету. Через несколько мгновений она уже осматривала освещенную часть подвала, держа свечу над головой.

Пламя свечи освещало каждый уголок подвала: верстак, книжные полки, ящики возле лестницы. Далия была настолько измотана, что чуть было не пропустила взглядом ссохшееся тело старика у противоположной стены. Она узнала его по осанке и лысине, но тело его было таким жалким и изношенным, будто кто-то просто притворялся ее дедушкой, надев на себя его кожу. Его воспаленные глаза побледнели, в них отражалось пламя свечи, а челюсть его безвольно свисала, будто тряпка. Все его конечности, казалось, были вывихнуты, и Далия видела, как его бьет дрожь.

Стук сердца Далии отдавался у нее в ушах.

Существо зарычало и медленно заковыляло к ней. На его груди и бедрах виднелись белесые шрамы от вырезанных на коже рун. Далия отскочила назад, прерывисто дыша от боли. Из темноты показались еще шестеро чудищ и

направились к ней. Из ртов на их исковерканных лицах вырвались нечеловеческие звуки.

— Дедушка? — пролепетала Даля

И свеча со стуком упала на пол.